

VÁCLAV FLAJŠHANS, *Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průřovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku, 1–2*

V. МОКИЕНКО, L. СТЕРАНОВА, red., 2. rozšířené vydání, Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci, 2013, 750 + 500 ss.

HARRY WALTER, VALERIJ МОКИЕНКО, EWA KOMOROWSKA, KRZYSZTOF KUSAL, *Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями)*

Greifswald, Szczecin, 2014, 433 ss.

Олег Иванович Федосов

Университет им. Лоранда Этвёша
(Будапешт))

Oleg I. Fedoszov

Eötvös Loránd University
(Budapest)

Составить некое первоначальное представление о размахе, направлениях и методах современных паремиологических исследований (в России и отчасти за границей) можно, например, ознакомившись с материалами *Шестых Жуковских чтений*, т. е. прошедшей недавно (11–13 мая 2014 г.) в Великом Новгороде международной конференции “Мир русской пословицы: вечные ценности и новые смыслы”. Названия разделов сборника (напечатанного отдельным номером “Вестника Новгородского ГУ им. Ярослава Мудрого”) говорят сами за себя: “Пословицы и поговорки в пространстве русского мира”, “Сопоставительная паремиология”, “Семантика и грамматика паремий”, “Пословицы и поговорки в текстах” и т. д. Особое же место как на этой конференции, так и на многих других конференциях (см. напр. программу секции на мартовской конференции в СПбГУ <http://www.conference-spbu.ru/conference/13/>, а также специальный сборник [FRAZEOGRAFIA SŁOWIAŃSKA 2011]) под эгидой Фразеологической комиссии МКС (<http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/>) занимают проблемы п а р е м и о г р а ф и и , разработки и составления словарей пословиц и поговорок (в новгородском сборнике

это статьи В. И. МАКАРОВА [2014], В. М. МОКИЕНКО [2014], Е. И. РОГАЛЁВОЙ [2014]). Примечательно, что первый пленарный доклад на общеевропейском форуме фразеологов и паремиологов в Париже (EUROPHRAS, сент. 2014 г.) также был посвящен словарной теме (<http://extranet-ldi.univ-paris13.fr/europhras2014/index.php/fr/programme>).

“Уследить” за появлением всей новой паремиографической и фразеографической словарной продукции только в одной Славии становится практически невозможно. Естественно поэтому, что разные исследователи будут обращать свое внимание прежде всего на те новые словари, которые по каким-то причинам близки их собственным научным интересам (и, не в последнюю очередь, их словарным “вкусам”).

Таковыми словарями стали для меня объекты настоящего обзора, два словаря пословиц, появившихся в прошлом и текущем году в Чехии и Польше, однако созданные их авторами с разницей в сто лет.

Монументальный двухтомник, словарь (древне)чешских пословиц известного историка чешского языка и литературы Вацлава Флайшганса (1866–1950) вышел из печати впервые в Праге в 1911–1913 гг. (Nákladem F. Šimáčka – Издатель Ф. Шимачек). Сегодня стараниями председателя Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов проф. В. М. Мокиенко и профессора Университета им. Палацкого в Оломоуце (Чехия) Л. И. Степановой этот словарь был переиздан (репринтом, но с дополнениями и комментариями) ровно через сто лет после своего первоначального появления в свет.

Вышедший же всего несколько месяцев назад, посвященный тридцатилетнему юбилею Щецинского университета, сопоставительный словарь активных пословиц — это новый коллективный труд известных современных авторов многочисленных паремиологических и фразеологических словарей, а также книг и теоретических работ по фразеологии из Германии, России и Польши: Х. Вальтера, В. М. Мокиенко, Э. Коморовской и К. Кусала. Этот словарь является по сути скрупулезным сборником обстоятельных комментариев к таким пословицам русского, немецкого и польского языков, которые прошли проверку “на употребляемость”, или по крайней мере “на узнаваемость”, в живом современном дискурсе.

Автор настоящей рецензии предлагает читателям журнала “Slověne” свой выбор именно этих словарей также по той субъективной причине, что вот уже почти три десятилетия посвятил преподаванию именно чешской филологии в Будапештском университете (чешский словарь В. Флайшганса), а область собственных научных интересов тесно связана с сопоставительным изучением фразеологии и паремиологии (словарь активных пословиц).

Однако может ли что-либо объединять два настолько различных по времени написания, по выбору языков, по самой направленности (диахронический и синхронический) и т. д. словарей? Они отличны даже внешне: вновь изданный словарь В. Флайшганса — это “крупноформатный” двухтомник в солидном твердом переплете, украшение любой книжной полки, а щецинский словарь — скромный (хоть и “увесистый” — 433 стр.) размер А5 в мягкой обложке (несомненное преимущество: его могут позволить себе и студенты).

Во-первых, и это немаловажно, оба словаря объединяет имя В. М. Мокиенко. Его роль как редактора нового издания словаря В. Флайшганса состояла не

только в том, что своим общепризнанным международным профессиональным авторитетом именно ему, Председателю Фразеологической комиссии, удалось сделать то, что не удавалось много десятилетий чешским коллегам: “проломить” стену молчания, окружавшую этот словарь почти сто лет. Обстоятельная статья проф. Мокиенко об истории возникновения и дальнейшей судьбе словаря В. Флайшганса, а также научные комментарии к целому ряду словарных статей (в соавторстве с Л. И. Степановой; помещены в конце второго тома) вдохнули в этот замечательный лексикографический труд “вторую жизнь”. Вклад В. М. Мокиенко в щецинский словарь отмечу ниже.

Во-вторых, и это видится основной причиной, позволяющей сравнить эти два словаря: с разницей в сто лет они оба доказательно демонстрируют тот факт, что не существует никакой изолированной от “мирового языкового пространства”, только “своей”, “особой”, сугубо национально-специфической паремиологии (и фразеологии), отражающей как в зеркале чью-то особую (русскую — немецкую — польскую — чешскую — или китайскую!) “национальную душу”, она же гумбольдтовско-романтический “дух народа”. Бесспорно, можно “сконструировать” так наз. концепт русского АВОСЯ или ТОСКИ, но фактом останется, что любой национальный “кладезь народной мудрости” — при всей его языковой и лингвокультурной “детальной” специфичности — под пытливым взглядом филолога-лингвиста покажется скорее “нейронной сетью” сложнейших переплетенных когнитивных и языковых универсалий, чем отлитым в бронзу памятником “особости” какого бы то ни было народа.

Немецкая исследовательница Элизабет Пирайнен, частый соавтор Д. О. Добровольского, много лет и усилий потратила на поиск “всемирно известных” идиом (Widespread Idioms) [PIRAINEN 2012]. Данные из исследованных в ее книге 88 языков (74-х европейских и 14-ти неевропейских) наглядно показывают, что самые широко распространенные идиомы некоего “универсального фразеологического фонда” известны одновременно по крайней мере в 50–60–70-ти (!) языках мира. Так, например, один из ста наиболее активных фразеологических библеизмов [Балакова, Вальтер, Мокиенко 2012: 24] и одновременно так наз. “жестовый фразеологизм” *рвать (на себе/голове) волосы* известен в 62 языках мира [PIRAINEN 2012: 523].

То, что прежде всего роднит словарь чешских пословиц историка языка В. Флайшганса и сравнительный словарь современных паремиографов, — это представление о едином культурном и паремиологическом пространстве.

Вступительная статья (на чешском языке) проф. В. М. Мокиенко об истории и судьбе словаря В. Флайшганса в переизданном двухтомнике не только как нельзя лучше объясняет такой подход, но и вносит во всю историю этого “тезауруса” увлекательную (особенно для любителей чешского языка и культуры), почти что “детективную” струю. Так, В. М. Мокиенко пишет (чтобы не переводить с чешского на русский мастера русской словесности, использую другой его текст):

Ценность этой книги — прежде всего в том, что в ней чешские пословицы и поговорки даются в полномочном контексте европейского фольклора малого жанра: здесь представлены параллели из многих славянских языков, а также из немецкого, французского, английского и латыни. Тем самым демонстрируется “европейскость” чешской народной культуры, её древняя связь с фольклором

многих народов Европы, причём не только передаваемым устным путём, но и по глубоким культурным книжным каналам — от Древней Греции и Рима до средневековой и позднейшей литературы [Мокиенко 2013: 80–81].

Кроме того, В. М. Мокиенко задает себе и читателям вопрос: если словарь В. Флайшганса можно по праву поставить в один ряд с лучшими образцами европейской паремиографии того времени, то в чем причина столетнего “заговора молчания” вокруг этого словаря? Разгадку этой “загадки Сфинкса”, как он ее сам называет, В. М. Мокиенко видит в общественно-политической и историко-культурной ситуации того времени. Этот словарь появился “не вовремя”, на пороге Первой мировой войны. Развитие паремиологии кон. XIX – нач. XX вв. во многом питалось именно идеями “национальной особенности”, и идея “народного духа” витала тогда над головами далеко не только славян.

Вацлав Флайшганс пошёл иным, совершенно противоположным путём. В чешских пословицах и поговорках он увидел не столько воплощение национального, родного, “своего”, сколько — отражение общеевропейской культуры и общезыкового поля. Этим утверждением он сделал решительный выпад и против панславистов, воплотителем идей которых в паремиологии стал Ф. Л. Челаковский, и против тех, кто на пословицы и поговорки смотрел традиционно, как на порождение собственно чешской народной мудрости [Мокиенко 2013: 81].

Живучести этих традиционных представлений еще и в наши дни можно только поражаться. В этой связи не могу не процитировать самого себя:

На юбилейной конференции 2002 г., посвященной 150-летию смерти Франтишека Челаковского и выхода в свет его знаменитого пословичного собрания “Мудрословие народов славянских”, в одном из рефератов пословичный фонд определяется так: это “способ кодирования этнической культуры, своеобразный источник информации межпоколенного пространства, свидетельство сохранения генетической памяти народа, атрибут формирования национального сознания, морально-этических и эстетических основ” [Миронова 2003: 67]. Если это так — в чем подчас приходится сомневаться с свете данных, накопленных современной паремиологией по теме “своё” и “чужое”, — то готов “культурно-исторический” портрет любого народа. Речь здесь идет, однако, именно о сосюрговской “этнологии”, т. е. “внешней лингвистике”, получившей расцвет в XIX веке в ответ на пробуждение национального самосознания славянских и других народов в ходе их борьбы за независимость.

Однако на той же конференции основатель современной чешской школы фразеологии Ф. Чермак говорил: разработка ономаσιологических и таксономических систем в лингвистике вообще, и в паремиологии в частности, пока что относится к области благих пожеланий. В паремиологии до сих пор преобладают ономаσιологические описания, возникшие еще в XIX веке в русле этнографии. “Теоретическая значимость такой классификации из-за ее импрессионизма и неясности с современной точки зрения равна нулю” (перевод наш. — О. Ф.)¹ [Їермаќ 2003: 47]. Это — голос лингвистики “внутренней” [Федосов 2014: 41].

¹ “Teoretická cena takové klasifikace je pro svůj impresionismus a nejasnost z dnešního hlediska nulová.”

Имеющий, вне сомнений, свою историческую ценность словарь Ф. Челаковского, с так дорогими любому славянскому и чешскому сердцу “чешскими” пословицами, как *Neplač, kozáku, budeš atamán* (!), переиздавался в Чехии в течение 150 лет множество раз, часто в огромных для маленькой страны тиражах (подробности см. в: [Мокієнко 2013: IV]). Вспоминаю, однако, свое разочарование, испытанное в момент, когда словарь Ф. Челаковского впервые попал мне в руки в далекие студенческие годы. Возможно, что в рецензии для научного журнала произносить такое кощунственное слово непозволительно, но это была: скука. Пыльная скука старого провинциального славянофильства и романтизма позапрошлого века... (Своим сегодняшним студентам, конечно же, об этом словаре я пытаюсь рассказать другими словами.) Поэтому мне понятны и близки упорство и даже одержимость Л. И. Степановой и В. М. Мокієнко, добившихся с немалым трудом переиздания словаря В. Флайшганса в наши дни. Первое, что я испытал, открыв наугад этот словарь, — это радость филолога, которую проф. Алена Трнкова в Карловом университете называла когда-то радостью *hndipichu*. К сожалению, словарный перевод этого слова (‘буквоед, крохобор’) не передает образность этой чешской “фразеолексемы” в нужном мне значении: это радость естествоиспытателя, который “напихнул” козявку (гниду) на булавку, чтобы заткнуть ее под микроскоп. Любая статья в словаре В. Флайшганса — это такая “козявка под микроскопом”, при рассматривании которой открывается целый мир нового знания. Теперь словари Ф. Челаковского и В. Флайшганса стоят на моей книжной полке рядом. Равновесие и справедливость восстановлены.

Щецинский словарь активных пословиц трех языков близок мне в основном по другой причине: если словарь В. Флайшганса — книга для специалистов, то щецинский словарь — это прежде всего учебный паремиологический словарь высокого качества. О его характере поможет сделать представление простая арифметика: на объем в 433 страницы (мелким шрифтом: у студентов еще хорошее зрение) приходится “всего” 626 словарных статей (они пронумерованы — просто и считать, и искать), т. е. в среднем — на одну статью отведено до 0,7 страницы. Сравним: в пословичном собрании В. П. Аникина [1988] на одной странице в среднем по 40 пословиц и поговорок (т. е. это простой перечень). Вывод: у щецинского словаря ясно декларированная (и добротнo осуществленная) цель — дать в руки студенту (и, конечно же, каждому любителю пословичной словесности) надежный справочник с максимально подробной и корректной информацией о значении, форме и употреблении живых пословичных единиц. Словник исходит из алфавитного списка (по ключевому компоненту) русских пословиц, к которым подобраны немецкие и польские пословичные эквиваленты. Перед каждой пословичной единицей — значок: “звездочка”, “говорящая голова” или “раскрытая книга”. Значения этих символов подробно объясняются в предисловии (оно же — метод пользования словарем): “звездочка” символизирует живую, активно употребляемую в современном дискурсе пословицу, “голова” — пословицу понятную, но реже употребляемую, а “книжка” — понятную, но уже не используемую в современном дискурсе. Эти символы дополняются другим рядом символов: = / ≈ / ≠ . Знак равенства, как может догадаться даже тот студент, который поленился прочитать введение, — это полная эквивалентность данной паремиологической единицы (ПЕ) с заглавной,

знак приблизительного равенства... и т. д. Эти символы — простейшие, ненавязчивые и весьма экономичные методы ввести в словарную статью важнейшую научную и прагматическую информацию по двум параметрам: употребимости (активности/частотности) и степени эквивалентности (многоязычный словарь). Если же рядом со “звездочкой” обнаружится еще и веселый “смайлик”, то это (по признанию составителей словаря) — их субъективная оценка: данный пословичный эквивалент является (считается ими) наиболее удачным в ряду других эквивалентов.

Вводная статья (на польском языке) с богатыми иллюстрациями и разъяснениями, подробнейшая библиография пословичных словарных источников и специальных паремиологических работ, индексы ПЕ на трех языках в конце книги — это уже, как говорят венгры — “взбитые сливки поверх пирожного”. В любом фразеологическом семинаре на любой кафедре славистики такой словарь — это возможность преподавателю выпить кофе, пока студенты самостоятельно разберутся со “звездочками” и “смайликами”. А после — домашнее задание, например: изучить комментарий к пословице *Обжѣгшиш на молоке, дунешь (станешь дуть, дуют) и на воду* (стр. 199) с его немецким эквивалентом и длиннейшим списком параллелей на следующих языках: английском, чешском, испанском, французском, итальянском, латыни... и венгерском! Или сверить все славянские и неславянские параллели и этимологии для ПЕ *Незваный гость хуже татарина*, в комментарии к которой В. М. Мокиенко (тут нельзя ошибиться в авторстве) пишет:

... название татарина в нашей пословице — более поздняя историческая конкретизация древней модели, где непрошенный гость приравнивается к врагу. Не случайно русское слово *гость* и его европейские соответствия (нем. *Gast*, лат. *hostis* и др.) этимологически расшифровываются как ‘чужеземец’, ‘чужой’, ‘враг’ (с. 92–93).

Но оба словаря, о которых мне хотелось рассказать читателю, — это желанные гости в семье паремиографии.

Библиография

Аникин 1988

Аникин В. П., *Русские пословицы и поговорки*, Москва, 1988.

Балакова, Вальтер, Мокиенко 2012

Балакова Д., Вальтер Х., Мокиенко В. М., *Лента библейской мудрости (Краткий русско-словацко-немецкий словарь крылатых слов)*, Ружомберок, Грайфсвальд, С.-Петербург, 2012.

де Соссюр 1977

де Соссюр Ф., *Труды по языкознанию*, А. А. Холодович, ред., Москва, 1977.

Макаров 2014

Макаров В. И. “Паремия—фразеологизм—слово: динамика употребления в юрислингвистическом аспекте”, *Вестник Новгородского государственного университета*, 77: *Филологические науки*, 2014, 221–224.

Миронова 2003

Миронова Г., “Паремийный фонд национального языка: потенциалы, проблемы и задачи”, в: *Parémie národů slovanských*, Ostrava, 2003, 67–72.

Мокиенко 2013

Мокиенко В. М., “Паремиологический тезаурус Вацлава Флајшганса”, в: М. Младенова, Р. Железарова, съст., *Славянските езици отблизо: Сборник в чест на 70-годишнината на доц. Янко Бъчваров*, София, 2013, 80–87.

— 2014

Мокиенко В. М., “Параметры славянской паремиографии”, *Вестник Новгородского государственного университета*, 77: *Филологические науки*, 2014, 31–34.

РОГАЛЁВА 2014

Рогалёва Е. И., “Интерпретация процессов фразеомообразования на базе пословиц в учебно-игровом лексикографическом тексте”, *Вестник Новгородского государственного университета*, 77: *Филологические науки*, 2014, 148–150.

ФЕДОСОВ 2014

Федосов О. И., “Меткое ли слово пословица?”, *Вестник Новгородского государственного университета*, 77: *Филологические науки*, 2014, 40–43.

ČERMÁK 2003

ČERMÁK F., “Onomaziologické systémy u propozic a proverbii,” v: *Parémie národů slovanských*, Ostrava, 2003, 47–54.

FRAZEOGRAFIA SŁOWIAŃSKA 2001

BALOWSKI M., CHLEBDA W., red., *Frazeografia słowiańska. Księga pamiątkowa poświęcona prof. dr hab. Halinie A. Lilicz*, Opole, 2001.

PIIRAINEN 2012

Piirainen E., *Widespread Idioms in Europe and Beyond: Toward a Lexicon of Common Figurative Units (International Folkloristics)*, New York, Berlin, etc., 2012.

References

Anikin V. P., *Russkie posloviity i pogovorki*, Moscow, 1988.

Balakova D., Walter H., Mokienko V. M., *Lepta biblejskoi mudrosti (Kratkii russko-slovatsko-nemetskii slovar' krylatykh slov)*, Ružomberok, Greifswald, St. Petersburg, 2012.

Čermák F., “Onomaziologické systémy u propozic a proverbii,” in: *Parémie národů slovanských*, Ostrava, 2003, 47–54.

de Saussure F., *Trudy po iazykoznaniiu*, A. A. Khododovich, ed., Moscow, 1977.

Fedosov O. I., “Metkoe li slovo posloviitsa?,” *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 77, 2014, 40–43.

Flajšhans V., *Česká přísloví. Sbirka přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*, 1–2, V. Mokienko, L. Stěpanova, eds., 2nd ed., Olomouc, 2013.

Makarov V. I. “Paremiia—frazеologizm—slovo: dinamika upotrebleniia v iurislingvisticheckom aspekte,” *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 77, 2014, 221–224.

Mironova G., “Paremiinyi fond natsional'nogo iazyka: potentsii, problemy i zadachi,” in: *Parémie národů slovanských*, Ostrava, 2003, 67–72.

Mokienko V. M., “Paremiologicheskii tezaurus Vatslava Flaishgansa,” in: M. Mladenova, R. Zhelezarova, eds., *Slavianskrite ezitsi otblizo: Sbornik v chest na 70-godishnina na dots. Ianko Bŭchvarov*, Sofia, 2013, 80–87.

Mokienko V. M., “Parametry slavianskoi paremiografii,” *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 77, 2014, 31–34.

Piirainen E., *Widespread Idioms in Europe and Beyond: Toward a Lexicon of Common Figurative Units (International Folkloristics)*, New York, Berlin, etc., 2012.

Rogaleva E. I., “Interpretatsiia protsessov frazeomobrazovaniia na baze posloviits v uchebno-igrovom leksikograficheskom tekste,” *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 77, 2014, 148–150.

Walter H., Mokienko V., Komorowska E., Kusal K., *Russko-nemetsko-pol'skii slovar' aktivnykh posloviits (s inoiazychnymi paralleliami i istoriko-kul'turologicheskimi kommentariiami)*, Greifswald, Szczecin, 2014.

Dr. Fedosзов Oleg

Szláv Filológiai Intézet — Cseh Szak, egyetemi adjunktus

Eötvös Loránd Tudományegyetem

H-1088 Budapest, Múzeum krt. 4/D

Magyarország/Hungary

fedosзов@gmail.com